

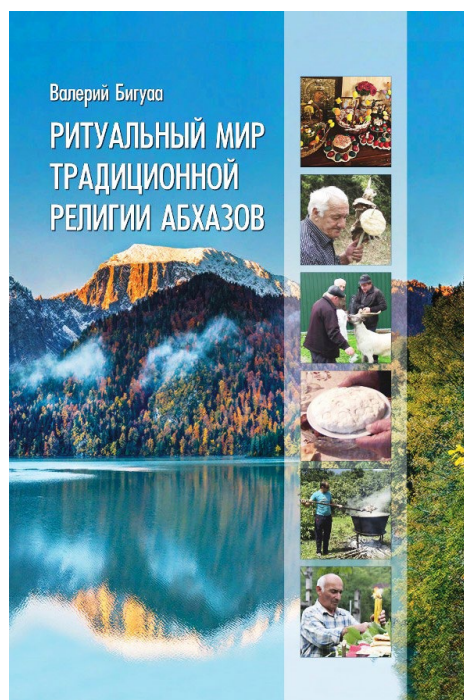
**РЕЦ. НА: БИГУАА В.Л.
РИТУАЛЬНЫЙ МИР
ТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИИ
АБХАЗОВ / МОНОГРАФИЯ. М.:
МАКС-ПРЕСС, 2018. – 336 с., илл.**

Монография Валерия Левардовича Бигуаа представляет собой результат огромного многолетнего труда по систематизации и структурированию традиционных религиозных представлений абхазов и сопряженных с ними обрядовых действий. По сути, мы имеем дело с крайне сложным и амбициозным замыслом: реконструкция всей теогонической системы абхазской традиционной религии вместе с соответствующими ритуальными практиками, с опорой на разнообразные исследования предшественников по отдельным направлениям и темам. Сам автор указывает, что его задачей является «восстановление целостности абхазской традиционной религии как системы путем реконструкции ее первозданного остова, на котором она зиждется и интерпретация элементов обрядовых действий и выявления их исторических корней» (С. 12).

Исторический аспект проблемы особенно важен. Территория современной Абхазии, равно как и культовые практики абхазов на протяжении столетий были полем взаимодействия разнородных религиозных и этнических традиций, восточного христианства и суннитского ислама и др., поэтому смыслы и значения тех или иных обрядовых действий требуют специального исследования.

В своей работе В.Л. Бигуаа опирается на корпус текстов культурной антропологии и структурной лингвистики XX в., рассматривая онтологические представления (пантеон богов) и практики (обряды и ритуалы) в качестве синхронической и диахронической репрезентации религиозно-практической системы. В этой связи, монография делится на две взаимосвязанные, хотя и разноразмерные части (раздела): опыт структурирования системы («пантеона») абхазских богов и описание обрядовых практик. Это приводит к трем естественным противоречиям.

Так, при отсутствии единого объемлющего текста («теогонии») и неизбежной опоре на разнородные элементы устной традиции, сам пантеон реконструируется

неоднозначно. Существует отчетливые различия в том, как представлены божества в логике структурного описания и в логике описания ритуальных практик (особенно, это проявляется в отношении «второстепенных» божеств, не обладающих единственно определенным статусом и местом в религиозных верованиях). Взаимосвязи между традиционными праздниками и их коррелятами в контексте христианской традиции неоднозначны, и требуют дополнительного исследования.

Важным достижением автора является краткая, и, в то же время, исчерпывающая модель описания ритуальных практик, в рамках которой можно получить представление и о ритуально-мировоззренческом значении тех или иных действий, и о порядке отправления самого культа, при этом, однако, дескриптивные стратегии остаются на всех этапах преобладающими. Стоит отметить, что автор сопоставляет результаты реконструкции абхазского пантеона с результатами реконструкции теологических систем в близких этносах (в частности, абазинском).

Естественно, что при таком множестве одновременно решаемых задач, монография не свободна от некоторых проблем, которые являются не столько недостатками, сколько – актуальными направлениями дальнейших исследований.

Во-первых, в силу синкретизма абхазской теологической системы, необходимо выявление связей как с параллельными теологическими системами этносов, принадлежащих к абхазо-адыгской языковой семье, но также – и с религиозными системами и практиками монотеистических религий: иудаизма, христианства и ислама.

Особый интерес представляет, на наш взгляд, сопоставительный анализ религиозных практик абхазов как с Библейской (книжной) традицией, так и с тем, что в раввинистическом иудаизме называется «Устной Торой», то есть системой межпоколенческой трансляции и практико-ориентированной реконструкции религиозного закона, а также каббалистических религиозно-мистических представлений. Опять-таки, трудно не обратить внимания на параллелизм конструкции семь братьев + одна сестра в абхазском пантеоне и моделью семи нижних Сфирот и Шхины в еврейской каббалистической традиции (а через нее – и сказочного сюжета «Белоснежки и семи гномов» в европейской культуре). Не менее интересен факт, что абхазский верховный Бог Анцва (Анцэа) – восходит к двум словам: «небо» и «бык», что проливает некоторый свет на понимание расхождения религиозных доктрин семитов и хаттов (известный сюжет поклонения «золотому тельцу» в Библии). В то же время, другие аспекты религиозных традиций явно восходят к одному источнику: так, трудно не заметить явной параллели с обращением к Анцва – верховному Богу абхазского пантеона как *адунеи* и еврейского *Адонай* – обращением к Всевышнему в еврейской религиозной традиции. Весьма интересным было бы рассмотрение сюжета грехопадения Адама с действием Алат – богини змей.

Через реконструкцию основных параллелизмов, противопоставлений и лакун, можно было бы осмыслить и различия в национально-культурных традициях и ценностных основаниях абхазского народа и других культур. Особенно значимым было бы систематическое сопоставление параллельных обрядовых практик (например, порядок жертвоприношений и службы жрецов/коэнов; обряды возлияния вина и воды на жертвенник и т.д.) в абхазской, древнеиудейской (эпохи Первого и Второго Храма) и христианской традициях: с одной стороны, наличие непрерывной письменной традиции примерно с начала II тысячелетия до н.э. позволило бы более точно и аргументировано осмыслить различия и расхождения между радикальным монотеизмом иудеев,

супрематеизмом абхазов (в определении В.Л. Бигуаа) и триединством теологических представлений христиан, а также – осмыслить конкретные формы тех или иных разрешительных или запретительных заповедей в библейских традициях.

Еще одним направлением исследований могла бы стать реконструкция исторических трансформаций традиционных мифологических представлений в соотношении с документированными событиями абхазской национальной и политической истории. Несомненно, что актуализация тех или иных представлений связана с конкретными историческими обстоятельствами, по сути дела, являясь инструментом их проработки и адаптации традиционным сознанием, в части возникновения новых сюжетов или качественной трансформации прежних, заключается возможность исторической реконструкции изменений традиционного сознания. Важно при этом исследовать отличия в версиях одних и тех же обрядов и ритуалов, укорененных в различных абхазских общинах, имеющих более или менее активные отношения с соседями и по-разному проживавшими те или иные события абхазской истории.

Наконец, еще одним, наиболее актуальным, на наш взгляд, полем междисциплинарных исследований и проектов могло бы стать современное понимание Апсуара (неписанного нравственно-этического кодекса абхазов), как результата религиозно-философской рефлексии обрядовых и ритуальных практик в современных условиях, по сути, становлении этнокультурного образа Просвещения. Наиболее значимыми аспектами здесь могли бы быть следующие:

1. Текстуализация основных феноменов традиционной устной культуры, создание кросс-культурных комментариев и формирование/исследование корпуса текстов как целостности (с одновременным созданием электронной базы текстов и комментариев к ним).
2. Разработка теории и методики изучения абхазского традиционного наследия в системе общего образования: несмотря на то, что до сих пор именно семья и территориальное сообщество рассматриваются в качестве основных носителей и хранителей традиционной культуры, очевидно, с течением времени и ростом социальной мобильности абхазов, роль этих институтов может снизиться. В этой связи, возникает проблема создания историко-культурного и этнорелигиозного компонента общего образования, который бы позволял абхазской молодежи сохранять язык и культуру предков.
3. Разработка моделей адаптации и стратегий трансформации традиционных ритуальных практик в условиях изменяющегося мира. Действительно, здесь находится один из ключевых вопросов выживания и развития абхазского социума в контексте XXI века: как, сохраняя этнокультурную идентичность, обеспечить мирное и эффективное развитие абхазского общества и культуры в современных условиях. Это потребует междисциплинарных исследований истории становления, проблем и трансформации всех традиционных хозяйственных и политических практик, включая политическое представительство и власть в абхазском обществе; межкультурное и межэтническое взаимодействие в рамках всего черноморского и транскавказского региона; организация отдыха, туризма и паломничества на территории Абхазии, сельскохозяйственное и промышленное производство и т.д.

Эта работа может быть выполнена пространства диалога различных смыслов, этнических, культурных и религиозных традиций. Нам видится необходимой интенсификация межконфессионального и международного диалога об истоках и смыслах развития Абхазии в XXI веке, в том числе, создание постоянно действующей площадки обсуждения этих проблем («Международного абхазского форума»), и эта книга может сыграть важную роль интеллектуального основания будущих дискуссий.

В заключение хотелось бы отметить качество самого издания – текст хорошо отредактирован, есть богатый иллюстративный материал, представлены как аутентичные версии основных ритуальных текстов, так и их переводы на русский язык. Наличие предисловия и заключения придают монографии законченность и внутреннее единство.